

Инфантьев Порфирий Павлович

Чувашская свадьба

**Чуваши. Рассказ из жизни чуваш.
Очерк**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П60

П60 **Порфирий Павлович И.**
Чувашская свадьба: Чуваши. Рассказ из жизни чуваш. Очерк / Инфантьев Порфирий Павлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 44 с.

ISBN 978-5-519-87128-0

ISBN 978-5-519-87128-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Чувашская свадьба.

Разсказъ изъ жизни чувашъ.

I.

Въ одномъ изъ глухихъ уѣздовъ Казанской губерніи, въ сторонѣ отъ Волги и проѣзжей дороги, по двумъ скатамъ глубокой ложбины, у грязнаго ручья, стояла чувашская деревня. Дома въ деревнѣ сохраняли свои чувашскія черты и особенности и значительно отличались отъ домовъ русскихъ крестьянъ. Большая ихъ часть строилась дверями на востокъ, куда чуваша въ своихъ языческихъ молитвахъ обращаются къ богамъ. вмѣсто сѣней, по правую сторону отъ двери устраивались чуланчики — булдыры. Съ лѣвой же стороны находилось волоковое окно, къ которому во время поминокъ усопшихъ и другихъ религіозныхъ церемоній прилѣплялись восковыя свѣчи. По южной и западной сторонѣ тянулись широкія нары — сагане. Эти сагане у чувашъ служатъ и лавками и постелями. На сѣверной сторонѣ устраивалась битая изъ глины кумагга — печь съ очагомъ, на которомъ варятъ любимую чувашами кашу—яшку. На той же сторонѣ волоковое окно для выпуска дыма. Въ южной стѣнѣ, недалеко отъ кивота съ иконою, большое окно съ рамою, въ которомъ, по большей части, вмѣсто стеколъ, вставлялись бычьи пузыри.

За домомъ находились кадры — скотные дворы. На юго-восточной сторонѣ дома — амбары, въ нѣкоторыхъ дво-

рахъ двухъэтажные. Здѣсь, въ этихъ амбарахъ, помѣщались, между прочимъ, и ирихи—чувашскіе домашніе божки. Впрочемъ, ирихами у чувашъ называются собственно кадки или кузовья, наполненные костями принесенныхъ въ жертву животныхъ и поставленные или подвѣшенные въ углахъ амбаровъ. Надъ ними ставились вѣтки рябины, къ которымъ подвѣшивались кусочки олова, серебряныя деньги и разныя другія блески, имѣвшія особенное символическое значеніе.

Тотчасъ же за деревней начинались поля и пашни, а немного далѣе тянулись густые, темные лѣса.

Быль конецъ ноября. На гумнахъ уже давно не видно было ни одной неубранной копны хлѣба, а на верхушкѣ cadaго овиннаго шиша виднѣлся воткнутый необмолоченный снопъ, какъ жертва птицамъ небеснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакъ, что хозяинъ гумна покончилъ лѣтнія работы и радъ угостить добраго гостя новымъ хлѣбомъ и выпить съ нимъ ковшъ пива.

Стояла пора кюръ-сыры, т.-е. осенняго пивоваренія и розговѣнья новымъ хлѣбомъ, которыя съ незапамятныхъ временъ празднуются у чувашъ съ особенною торжественностью. Чуваша въ это время приносятъ благодарственныя жертвы своимъ богамъ за ихъ благодѣянія, за помощь и покровительство при посѣвѣ и уборкѣ хлѣба. И каждый чувашенинъ счелъ бы для себя величайшимъ грѣхомъ употреблять новый хлѣбъ и новое пиво, не совершивъ сначала чукленья, т.-е. моленія о хлѣбѣ, совершаемаго съ особенною торжественностью и церемоніями. Это чукленье ближайшіе родственники и досы производятъ обыкновенно поочередно другъ у друга, по взаимному предварительному соглашенію.

Досами у чувашъ называются друзья, давшіе другъ другу обѣтъ въ неразрывной дружбѣ и готовности жертвовать всѣмъ для своего друга. Этотъ обычай, впрочемъ, те-

перъ, вслѣдствіе злоупотребленій имъ со стороны русскихъ, старавшихся извлекать изъ досовъ свои выгоды, уже почти вывелся и сохранился только у самыхъ удаленныхъ отъ русской цивилизаціи чувашъ.

II.

Въ одной изъ наиболѣе зажиточныхъ чувашскихъ семей, у степеннаго Василія Ивановича, какъ его всѣ называли въ деревнѣ, шло спѣшное приготовленіе къ встрѣчѣ праздника чукленья. Вотъ уже нѣсколько дней вся семья была въ хлопотахъ, приготовляя разныя угощенія для приглашенныхъ родныхъ и досовъ. Женщины варили изъ новаго солода и хмеля пиво, пекли изъ новой муки хлѣбъ, готовили изъ новой крупы яшку и проч. Самъ Василій Ивановичъ съѣздилъ даже въ городъ и привезъ цѣлое ведро водки для угощенія гостей.

Семья у Василія Ивановича была большая и состояла изъ восьми душъ: его самого съ женой, женатаго сына Касьяна, или, по-чувашски, Казюшки, у котораго былъ уже семилѣтній сынишка Іюшка (Іона), дочери Кулиянге (Акулины), дѣвушки 24 лѣтъ, и второй дочери Анны, 16-лѣтней дѣвушки. Кромѣ того, у него была еще престарѣлая мать Подене.

Наканунѣ праздника вечеромъ семья сидѣла за ужиномъ.

— Ну, кажись, у насъ теперь все приготовлено, — сказала Паладь, жена Василія Ивановича.

— Все-то все, да только теперь постъ, а яшка у насъ сварена съ мясомъ. Какъ бы бачько опять не узналъ, что мы ѣдимъ въ постъ скоромное, — замѣтила невѣстка.

— Не узнаетъ, — съ увѣренностью отвѣтила бабка. — Мнѣ теперь доподлинно извѣстно, кто бачкѣ на насъ доносилъ.

— А кто же? — съ удивленіемъ спросилъ Василій.

— Кто? А кудесра-тора *). Не даромъ вѣдь бачько велить ставить ее въ каждомъ домѣ въ переднемъ углу. Ну, да теперь она не увидить.

Василій Ивановичъ и всѣ его семейные опасливо поко-
сились на стоявшую въ переднемъ углу икону, которая ока-



Чуваши.

залась перевернутою предусмотрительной бабкой_лицомъ къ стѣнѣ.

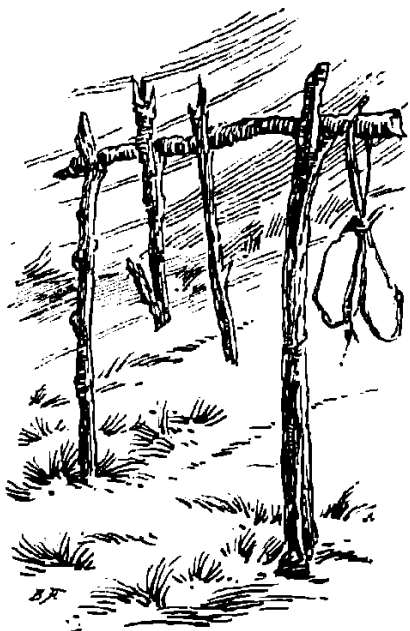
Священникъ былъ однажды съ требой у Василя Ивановича въ постный день и, по запаху догадавшись, что семья ѣла скоромное, пожурилъ его за это. Не понимая, откуда могъ узнать священникъ, что дѣлается у нихъ въ домѣ, старая Подене вывела заключеніе, что икона нахо-

*) Буквально—богъ угла.

дится въ какомъ-то таинственномъ общеніи съ бачькой и передаетъ ему все.

— А вѣдь это правда. Какъ же мы раньше-то не догадывались? Вѣдь, впрямь, кто же могъ, кромѣ кудесраторы, передать бачькѣ, что мы ѣдимъ скоромное? — сообразилъ и Василій.

Бабушка Подене была уже древняя старуха и во всей семьѣ наиболѣе приверженная къ старой, отцовской вѣрѣ. Крещена она была еще въ молодости, но христіанская религія ей была мало понятна. Правда, она не чуждалась христіанскихъ святыхъ, которыхъ считала одаренными тѣми же свойствами, что и чувашскіе боги, но въ то же время среди своихъ ододеревенцевъ она слыла хранительницей древнихъ языческихъ обрядовъ и наперечетъ знала всѣхъ прежнихъ боговъ. У чувашъ она исправляла на нѣкоторыхъ общественныхъ моленіяхъ даже роль іомси (жреца). Считая себя поэтому не менѣе осѣдомленной въ области православной религіи и религіозныхъ обрядовъ, чѣмъ священникъ, она относилась къ послѣднему довольно скептически.



Мѣсто для жертвоприношеній у чувашъ.

— Я слышала, мужики сказывали, будто бачько не велитъ приносить жертвы богамъ, — замѣтила опять невѣстка.

— Да послушать бачьку, такъ по-его выходитъ, что и чукленья праздновать не слѣдуетъ, — съ сердцемъ возразила старуха. — Онъ знаетъ только своихъ русскихъ боговъ, а о тѣхъ, которымъ кланялись наши отцы и дѣды, онъ даже самъ никогда не слыхивалъ. Охъ, ужъ мнѣ эти новые мо-

лодые попы! Когда они появились, вмѣсто нашихъ старыхъ іомсей, все стало хуже, и народъ сталъ жить бѣднѣе, потому что началъ отвращать отъ чувашъ лицо свое Сюльди-Тора *). Если бы бачко училъ въ церкви, какъ надо кланяться чувашскимъ богамъ, такъ не то у насъ бы и было...

И долго еще ворчала старая Подене на новыхъ русскихъ православныхъ священниковъ, не желавшихъ почтительно относиться къ прежнимъ чувашскимъ богамъ.

III.

На слѣдующій день всѣ приготовленные яства и напитки были разставлены въ просторной избѣ на большомъ столѣ, посреди котораго въ первую голову возвышался очень почтенной величины пызыкъ лянггысъ, т.-е. кадка съ пивомъ. Къ полудню уже изба была полна родственниками и досами хозяина, пришедшими каждый со своимъ ковшомъ. Ждали только прибытія приглашеннаго на этотъ случай стараго іомси, который долженъ былъ заправлять церемонію праздника.

Но вотъ наконецъ явился и онъ. Поставивъ всѣхъ присутствовавшихъ въ домѣ чувашъ строемъ передъ растворенною дверью, выходившею на востокъ, іомся взялъ со стола каравай хлѣба и, держа его въ правой рукѣ, а въ лѣвой подъ мышкой—свою шапку, началъ читать благодарственную Сюльди-Торѣ молитву за урожай и просить его, чтобы онъ и на будущій годъ благословилъ труды молящихся обиліемъ, умножилъ ихъ скотъ, ниспослалъ имъ вовремя и въ мѣру дождь и даровалъ бѣдному своему народу миръ и тишину.

— Помилуй и не оставь! — повторяли за нимъ молящіеся.

*) Богъ добра и свѣта.

Затѣмъ іомся, трижды осѣнивъ избу хлѣбомъ, разрѣзаль его на куски и роздалъ всѣмъ присутствовавшимъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ одну половину кусочка съѣсть, а другую бросить на печь, въ даръ домовому Ий-о.

Послѣ этого іомся взялъ кусокъ сыру, прочиталъ надъ нимъ точно такую же молитву и точно такъ же раздѣлилъ его между молящимися, которые одну половину съѣли, а другую побросали на печь. Та же исторія повторилась затѣмъ и съ другими кушаньями, а наконецъ и съ кашей, розданной каждому по ложкѣ, но кашу уже не бросали на печь, а ѣли всю.

Наконецъ іомся зачерпнулъ своимъ ковшомъ изъ кадки пива, его примѣру послѣдовали всѣ остальные, и съ наполненными ковшами снова всѣ выстроились лицомъ на востокъ, къ раскрытой двери. Іомся снова, какъ и при молитвѣ надъ хлѣбами, провозгласилъ благодарность Сюльди-Торѣ.

— Помилуй и не оставь! — промолвили опять молящіеся, и, по примѣру іомси, каждый, отливъ немного изъ своего освященнаго такимъ образомъ ковша въ лянгысь, съ восклицаніемъ: „во имя Сюльди-Торы!“ — выпилъ остатокъ изъ ковша.

Снова іомся зачерпнулъ изъ кадки въ свой ковшъ, и снова его примѣру послѣдовали молящіеся. На этотъ разъ іомся провозгласилъ молитву матери боговъ, и опять всѣ выпили по ковшу съ тѣми же церемоніями. Выпили затѣмъ во имя бога, творца міра, по ковшу; во имя бога, творца душъ, во имя бога солнца, во имя богини солнца, во имя бога мѣсяца, бога грома и молніи, бога изобилія, бога земли, бога водяного, лѣснаго, домового, бога домашняго скота, бога дорогъ и проч., и проч., и проч. Затѣмъ послѣдовали обращенія съ молитвами къ разнымъ кереметямъ: къ большой, малой, средней, серебряной, злой и проч. И во имя cadaго изъ этихъ боговъ и кереметей каждый молящійся обязательно долженъ былъ выпить, чтобы никого изъ нихъ не обидѣть, тѣмъ болѣе, что чуваши пили въ полной увѣренности, что пьютъ это не они сами, а тѣ боги и

керемети, къ которымъ обращена молитва; поэтому прежде, чѣмъ сдѣлать поклонъ провозглашенному іомсей богу, каждый поднималъ свой ковшъ съ пивомъ, какъ бы кого-то угощая, и шепталъ при этомъ: „это такому-то богу!“.

Перебравши всѣхъ своихъ языческихъ боговъ, богинь и кереметей и выпивъ за каждого изъ нихъ по ковшу пива, молящіеся обратились къ православной иконѣ, передъ которой хозяинъ возжегъ восковую свѣчку, перевернувъ икону ликомъ уже къ присутствующимъ. И всѣ снова, уже пошатаваясь, зачерпнули по ковшу пива, сотворили крестное знаменіе и стали съ тѣми же церемоніями кланяться иконѣ, а іомсея въ это время провозглашалъ:

— Русскій Богъ, спаси и помилуй!

— Матерь Божія, спаси и помилуй!

— Ангелъ Божій, спаси и помилуй!

— Богъ Николай, спаси и помилуй!

При этомъ за каждымъ возгласомъ слѣдовало новое питье. Мало-по-малу молящіеся такъ намолились, что еле держались на ногахъ.

По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, на сценѣ появился шныбрызе — музыкантъ съ волынькой, сдѣланной изъ бычьяго пузыря со вставленными въ немъ птичьими косточками, и подъ ея игру начались пѣсни, пляски, словомъ, пошелъ пиръ горой, продолжавшійся до глубокой ночи.

А на слѣдующій день повторилось то же самое у другого домохозяина. И чуть не до самаго Рождества чувашки праздновали розговѣнье новымъ хлѣбомъ, ходя поочередно изъ двора во дворъ.

IV.

Во время этихъ празднествъ однажды Василій Ивановичъ былъ на чуклени у одного изъ своихъ досовъ. Тамъ же въ числѣ приглашенныхъ былъ одинъ чувашенинъ изъ

сосѣдной деревни—Михала. Когда уже всѣ подвыпили, Михала подсеѣлъ къ Василю Ивановичу и вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

— А я давно, Василий Ивановичъ, собираюсь поговорить съ тобой по душамъ,—началь Михала.

— Что же! Покаякаемъ. О чемъ ты хочешь со мной поговорить?—спросилъ Василий Ивановичъ.

— Да вотъ, какъ ты знаешь, у меня сынъ подростъ, а у тебя Кулингге давно уже на возрастѣ...

— Э, братъ Михала, я вѣдь свою Кулингге дешево не отдамъ,—перебилъ его Василий Ивановичъ, восторожившись:—она у меня въ семьѣ первая работница, лучше мужиковъ всякую работу править, и лишиться такой работницы все равно, что лишиться правой руки.

— Да вѣдь за калымомъ я не постою, — возразилъ Михала.—А когда-нибудь да надо же тебѣ ее будетъ выдавать.

— Она у меня еще молода, еще годковъ пять-шесть можетъ посидѣть въ дѣвкахъ; ну, а тамъ за женихами на хорошую хозяйку никогда дѣло не станетъ.

— Оно такъ-то такъ, а все-таки нехорошо дѣвку держать долго: она, пожалуй, и сама можетъ уйти, и тогда ты ничего за нее не получишь.

— Ну, моя Кулингге не уйдетъ: не изъ таковскихъ; она у меня послушная и смиренная.

— Да вѣдь и у меня женихъ не худой, за худого и свататься бы не сталъ. Говори, сколько ты хотѣлъ бы за нее взять?

— Меньше пятисотъ рублей ни за что не соглашусь,—отвѣтилъ Василий Ивановичъ.

Пятисотъ рублей—это была цѣна калыма неслыханная и равнялась полному отказу, да Василий Ивановичъ и дѣйствительно не намѣревался отпускать отъ себя Кулингге, хотя той шелъ уже 25-й годъ. Но чуваши вообще выдаютъ

своихъ дочерей замужъ очень поздно, и женихи почти всегда бываютъ моложе невѣсть.

— Шутить, что ли, Василій Ивановичъ, али вправду совсѣмъ не хочешь выдавать Кулингге, думаешь навсегда оставить ее въ дѣвкахъ?

— Ну, это понимай, какъ знаешь, а только меньше пятисотъ не возьму и копейки не уступлю.



Чувашка.

Какъ ни бился Михала съ Василюмъ Ивановичемъ, надавалъ даже двѣсти рублей, — деньги тоже не малыя, — но такъ и отошелъ ни съ чѣмъ.

Однако Михала не оставилъ своего намѣренія породниться съ Василюмъ Ивановичемъ. „Не хочетъ отдавать добромъ, такъ вѣдь можно попробовать взять Кулингге хитростью“, — думалъ онъ, раздосадованный неудачей.

Въ семьѣ у Михалы былъ всего только одинъ сынъ; двѣ старшихъ дочери были уже замужемъ и жили отдѣльно.

Понятно поэтому, что Михала давно уже съ нетерпѣніемъ поджидалъ, когда подрастетъ его Илюкъ, чтобы женить его и взять себѣ въ домъ хорошую работницу, и выборъ его остановился на Кулингге, о которой далеко шла слава, какъ о прекрасной хозяйкѣ. У чувашъ выбираютъ и сватаютъ женъ для своихъ сыновей обыкновенно отцы, или, за смертью ихъ, старшіе въ семьѣ мужчины, не спрашивая согласія